

Куприн Александр Иванович

**Полное собрание сочинений
А.И. Куприна**

Том 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-1
ББК 84-5
А46

А46 **Александр Иванович К.**
Полное собрание сочинений А.И. Куприна: Том 1 / Куприн Александр Иванович – М.: Книга по Требованию, 2022. – 676 с.

ISBN 978-5-519-91820-6

ISBN 978-5-519-91820-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

МОЛОХЪ.

I.

Заводскій гудокъ протяжно ревѣлъ, возвѣщая начало рабочаго дня. Густой, хриплый, непрерывный звукъ, казалось, выходилъ изъ-подъ земли и низко разстилался по ея поверхности. Мутный разсвѣтъ дождливаго августовскаго дня придавалъ ему суровый оттѣнокъ тоски и угрозы.

Гудокъ засталъ инженера Боброва за чаемъ. Въ послѣдніе дни Андрей Ильичъ особенно сильно страдалъ безсонницей. Вечеромъ, ложась въ постель съ тяжелой головой и поминутно вздрагивая, точно отъ внезапныхъ толчковъ, онъ все-таки забывался довольно скоро безпокойнымъ, нервнымъ сномъ, но просыпался задолго до свѣта, совсѣмъ разбитый, обезсиленный и раздраженный.

Причиной этому, безъ сомнѣніи, было нравственное и физическое переутомленіе, а также давняя привычка къ подкожнымъ впрыскиваніямъ морфія,—привычка, съ которой Бобровъ на-дняхъ началъ упорную борьбу.

Теперь онъ сидѣлъ у окна и маленькими глотками прихлебывалъ чай, казавшійся ему травянистымъ и безвкуснымъ. По стекламъ зигзагами сбѣгали капли. Лужи на дворѣ морщило и рябило отъ дождя. Изъ окна было видно небольшое квадратное озеро, окруженное, точно

рамкой, косматыми ветлами, съ ихъ низкими, голыми отволами и сѣрой зеленью. Когда поднимался вѣтеръ, то на поверхности озера вздувались и бѣжали, будто торопясь, мелкія, короткія волны, а листья ветелъ вдругъ подергивались серебристой сѣднвой. Блеклая трава безсильно припикала подъ дождемъ къ самой землѣ. Дома ближайшей деревушки, деревья лѣса, протянувшася зубчатой темной лентой на горизонтѣ, поле въ черныхъ и желтыхъ заплатахъ,—все вырисовывалось сѣро и неясно, точно въ туманѣ.

Было семь часовъ, когда, надѣвъ на себя клеенчатый плащъ съ капюшономъ, Бобровъ вышелъ изъ дому. Какъ многіе нервныя люди, онъ чувствовалъ себя очень нехорошо по утрамъ: тѣло было слабо, въ глазахъ ощущалась тупая боль, точно кто-то давилъ на нихъ сильно спаружи, во рту—непріятный вкусъ. Но всего больнѣе дѣйствовалъ на него тотъ внутренній, душевный разладъ, который онъ примѣчалъ въ себѣ съ недавняго времени. Товарищи Боброва, инженеры, глядѣвшіе на жизнь съ самой несложной, веселой и практической точки зрѣнія, навѣрно, осмѣяли бы то, что причиняло ему столько тайныхъ страданій, и ужъ во всякомъ случаѣ не поняли бы его. Съ каждымъ днемъ въ немъ все больше и больше нарастало отвращеніе, почти ужасъ къ службѣ на заводѣ.

По складу его ума, по его привычкамъ и вкусамъ ему лучше всего было посвятить себя кабинетнымъ занятіямъ, профессорской дѣятельности или сельскому хозяйству. Инженерное дѣло не удовлетворяло его, и, если бы не настоящее желаніе матери, онъ оставилъ бы институтъ еще на третьемъ курсѣ.

Его нѣжная, почти женственная натура жестоко страдала отъ грубыхъ прикосновеній дѣйствительности, съ ея будничными, но суровыми нуждами. Онъ самъ себя сравнивалъ, въ этомъ отношеніи, съ человѣкомъ, съ ко-

торого заживо содрали кожу. Иногда мелочи, не замѣченныя другими, причиняли ему глубокія и долгія огорченія.

Наружность у Боброва была скромная, неяркая... Онъ былъ невысокъ ростомъ и довольно худъ, но въ немъ чувствовалась нервная, порывистая сила. Большой бѣлый прекрасный лобъ прежде всего обращалъ на себя вниманіе на его лицѣ. Расширенные и при томъ неодинаковой величины зрачки были такъ велики, что глаза, вмѣсто сѣрыхъ, казались черными. Густыя, неровныя брови сходились у переносья и придавали этимъ глазамъ строгое, пристальное и точно аскетическое выраженіе. Губы у Андрея Ильича были нервныя, тонкія, но не злыя, и немного несимметричныя: правый уголъ рта приходился немного выше лѣваго; усы и борода маленькіе, жидкіе, бѣлесоватые, совсѣмъ мальчишескіе. Прелесть его, въ сущности, некрасиваго лица заключалась только въ улыбкѣ. Когда Бобровъ смѣялся, глаза его становились нѣжными и веселыми, и все лицо дѣлалось привлекательнымъ.

Пройдя полверсты, Бобровъ взобрался на пригорокъ. Прямо подъ его ногами открылась огромная панорама завода, раскинувшаяся на пятьдесятъ квадратныхъ верстъ. Это былъ настоящій городъ изъ краснаго кирпича, съ лѣсомъ высоко торчащихъ въ воздухѣ закопченныхъ трубъ,—городъ, весь пропитанный запахомъ сѣры и желѣзнаго угара, оглушаемый вѣчнымъ, несмолкаемымъ грохотомъ. Четыре доменные печи господствовали надъ заводомъ своими чудовищными трубами. Рядомъ съ ними возвышалось восемь кауперовъ, предназначенныхъ для циркуляціи нагрѣтаго воздуха,—восемь огромныхъ желѣзныхъ башенъ, увѣнчанныхъ круглыми куполами. Вокругъ доменныхъ печей разбросались другія зданія: ремонтныя мастерскія, литейный дворъ, промыв-

ная, паровозная, рельсопрокатная, мартеновскія и пудлинговыя печи и т. д.

Заводъ спускался внизъ тремя громадными природными площадями. Во всѣхъ направлєніяхъ сновали маленькіе паровозы. Показываясь на самой нижней ступени, они съ пронзительнымъ свистомъ летѣли наверхъ, исчезали на нѣсколько секундъ въ туннеляхъ, откуда вырывались, окутанные бѣлымъ паромъ, гремѣли по мостамъ и наконецъ, точно по воздуху, неслись по каменнымъ эстакадамъ, чтобы сбросить руду и коксъ въ самую трубу доменной печи.

Дальше, за этой природной террасой, глаза разбѣгались на томъ хаосѣ, который представляла собою мѣстность, предназначенная для возведенія пятой и шестой доменныхъ печей. Казалось, какой-то страшный подземный переворотъ выбросилъ паружу эти безчисленные груды щебня, кирпича разныхъ величинъ и цвѣтовъ, песчаныхъ пирамидъ, горъ плитняка, штабелей желѣза и лѣса. Все это было нагромождено какъ будто бы безъ толку, случайно. Сотни подводъ и тысячи людей суетились здѣсь, точно муравьи на разоренномъ муравейникѣ. Бѣлая тонкая и ѣдкая известковая пыль стояла, какъ туманъ, въ воздухѣ.

Еще дальше, на самомъ краю горизонта, около длиннаго товарнаго поѣзда толпились рабочіе, разгружавшіе его. По наклоннымъ доскамъ, спущеннымъ изъ вагоновъ, непрерывнымъ потокомъ катились на землю кирпичи; со звономъ и дребезгомъ падало желѣзо; летѣли въ воздухъ, изгибаясь и пружинясь на лету, тонкія доски. Однѣ подводы направлялись къ поѣзду порожнякомъ, другія вереницей возвращались оттуда, нагруженные доверху. Тысячи звуковъ смѣшивались здѣсь въ длинный скачущій гулъ: тонкіе, чистые и твердые звуки каменщицкихъ зубилъ, звонкіе удары клепальщиковъ, че-

кашающихъ заклепы на котлахъ, тяжелый грохотъ паровыхъ молотовъ, могучіе вздохи и свистъ паровыхъ трубъ и изрѣдка глухіе подземные взрывы, заставлявшіе дрожать землю.

Это была страшная и захватывающая картина. Человѣческій трудъ кипѣлъ здѣсь, какъ огромный, сложный и точный механизмъ. Тысячи людей, инженеровъ, каменщиковъ, механиковъ, плотниковъ, слесарей, землекоповъ, столяровъ и кузнецовъ собрались сюда съ разныхъ концовъ земли, чтобы, повинаясь желѣзному закону борьбы за существованіе, отдать свои силы, здоровье, умъ и энергію за одинъ только шагъ впередъ промышленнаго прогресса.

Нынѣшній день Бобровъ особенно нехорошо себя чувствовалъ. Иногда, хотя и очень рѣдко—раза три или четыре въ годъ у него являлось весьма странное, меланхолическое и вмѣстѣ съ тѣмъ раздражительное настроеніе духа. Случалось это обыкновенно въ пасмурныя осеннія утра, или по вечерамъ, во время зимней растепели. Все въ его глазахъ пріобрѣтало скучный и безцвѣтный видъ, человѣческія лица казались мутными, некрасивыми или болѣзненными, слова звучали откуда-то издали, не вызывая ничего, кромѣ скуки. Особенно раздражали его сегодня, когда онъ обходилъ рельсопрокатный цехъ, блѣдныя, выпачканныя углемъ и высушенныя огнемъ лица рабочихъ. Глядя на ихъ упорный трудъ въ то время, когда ихъ тѣла обжигалъ жаръ раскаленныхъ желѣзныхъ массъ, а изъ широкихъ дверей дулъ пронзительный осенній вѣтеръ, онъ самъ какъ будто бы испытывалъ часть ихъ физическихъ страданій. Ему тогда становилось стыдно и за свой выхоленный видъ, и за свое тонкое бѣлье, и за три тысячи своего годового жалованья...

II.

Онъ стоялъ около сварочной печи, слѣдя за работой. Каждую минуту громадный пылающій эввъ печи широко раскрывался, чтобы поглощать одинъ за другимъ двадцатипудовые «пакеты» раскаленной добѣла стали, только что вышедшіе изъ пламенныхъ печей. Черезъ четверть часа они, протянувшись съ страшнымъ грохотомъ черезъ десятки станковъ, уже складывались на другомъ концѣ мастерской длинными, гладкими, блестящими рельсами.

Кто-то тронулъ Боброва сзади за плечо. Онъ досадливо обернулся и увидѣлъ одного изъ сослуживцевъ—Свѣжевскаго.

Этотъ Свѣжевскій съ его всегда немного согнутой фигурой,—не то крадущейся, не то кланяющейся,—съ его вѣчнымъ хихиканьемъ и потираниемъ холодныхъ, мокрыхъ рукъ, очень не нравился Боброву. Въ немъ было что-то заискивающее, обиженное и злобное. Онъ вѣчно зналъ раньше всѣхъ заводскія сплетни и выкладывалъ ихъ съ особеннымъ удовольствіемъ передъ тѣмъ, кому онъ были наиболѣе непріятны; въ разговорѣ же первно суетился и ежеминутно притрогивался къ бокамъ, плечамъ, рукамъ и пуговицамъ собесѣдника.

— Что это васъ, батенька, такъ давно не видно?—спросилъ Свѣжевскій; онъ хихикалъ и мялъ въ своихъ рукахъ руку Андрея Ильича.—Все сидите и книжки почитываете? Почитываете все?

— Здравствуйте, — отозвался нехотя Бобровъ, отымая руку.—Просто мнѣ нездоровилось это время.

— У Зиненко за вами всѣ соскучились,—продолжалъ многозначительно Свѣжевскій.—Отчего вы у нихъ не бываете? А тамъ третьяго-дня былъ директоръ и о васъ справлялся. Разговоръ зашелъ какъ-то о домашнихъ ра-

ботахъ, и онъ о васъ отзывался съ большою похвалою.

— Весьма польщенъ,— насмѣшливо поклонился Бобровъ.

— Нѣтъ, серьезно... Говорилъ, что правленіе васъ очень цѣнитъ, какъ инженера, обладающаго большими знаніями, и что вы, если бы захотѣли, могли бы пойти очень далеко. По его мнѣнію, намъ вовсе не слѣдовало бы отдавать французамъ вырабатывать проектъ завода, если дома есть такіе свѣдущіе люди, какъ Андрей Ильичъ. Только...

«Сейчасъ что-нибудь непріятное скажетъ», — подумалъ Бобровъ.

— Только, говорить, нехорошо, что вы такъ удаляетесь отъ общества и производите впечатлѣніе замкнутаго человѣка. Никакъ не поймешь, кто вы такой на самомъ дѣлѣ, и не знаешь, какъ съ вами держаться. Ахъ, да!—вдругъ хлопнулъ себя по лбу Свѣжевскій:—я вотъ болтаю, а самое важное позабылъ вамъ сказать... Директоръ просилъ всѣхъ быть непременно завтра къ двѣнадцатичасовому поѣзду на вокзалѣ.

— Опять будемъ встрѣчать кого-нибудь?

— Совершенно вѣрно. Угадайте, кого?

Лицо Свѣжевскаго приняло лукавое и торжествующее выраженіе. Онъ потиралъ руки и, повидимому, испытывалъ большое удовольствіе, готовясь сообщить интересную новость.

— Право, не знаю, кого... Да я и не мастеръ вовсе угадывать,—сказалъ Бобровъ.

— Нѣтъ, голубчикъ, отгадайте, пожалуйста... Ну, хоть такъ, наугадъ, кого-нибудь назовите...

Бобровъ замолчалъ и сталъ съ преувеличеннымъ вниманіемъ слѣдить за дѣйствіями парового крана. Свѣжевскій замѣтилъ это и засуетился еще больше прежняго.

— Ни за что не скажете... Ну, да я уже не буду васъ больше томить. Ждутъ самого Квашнина.

Фамилію онъ произнесъ съ такимъ откровеннымъ подобострастіемъ, что Боброву даже сдѣлалось противно.

— Чтѣ же вы тутъ находите особенно важнаго?—спросилъ небрежно Андрей Ильичъ.

— Какъ «что же особеннаго»? Помилуйте. Вѣдь онъ въ правленіи, что захочетъ, то и дѣлаетъ: его, какъ оракула, слушаютъ. Вотъ и теперь: правленіе уполномочило его ускорить работы, то-есть, иными словами, онъ самъ себя уполномочилъ къ этому. Вы увидите, какіе громы и молніи у насъ пойдутъ, когда онъ пріѣдетъ. Въ прошломъ году онъ постройку осматривалъ—это, кажется, до васъ еще было?.. Такъ директоръ и четверо инженеровъ полетѣли со своихъ мѣстъ къ чорту. У васъ задувка *) скоро окончится?

— Да, уже почти готова.

— Ну, это хорошо. При немъ, значить, и открытіе отпразднуемъ и начало каменныхъ работъ. Вы Квашнина самого встрѣчали когда-нибудь?

— Ни разу. Фамилію, конечно, слышалъ...

— А я такъ имѣлъ удовольствіе. Это жъ, я вамъ доложу, такой типъ, какихъ больше не увидите. Его весь Петербургъ знаетъ. Во-первыхъ, такъ толстъ, что у него руки на животѣ не сходятся. Не вѣрите? Честное слово. У него и особая карета такая есть, гдѣ вся правая сторона отворяется на шарнирахъ. При этомъ огромнаго роста, рыжій, и голосъ, какъ труба іерихонская. Но что за умница! Ахъ, Боже мой!.. Во всѣхъ акціонерныхъ обществахъ состоитъ членомъ правленія... получаетъ двѣ-

*) Задувкой доменной печи называется разогрѣваніе ея передъ началомъ работы до температуры плавленія руды, приблизительно до 1600° С. Самое дѣйствіе печи называется „кампаніей“. Задувка продолжается иногда нѣсколько мѣсяцевъ.

сти тысячъ всего только за семь засѣдацій въ годъ! За то уже, когда на общихъ собраніяхъ надо спасать ситуацію—лучше его не найти. Самый сомнительный годово́й отчетъ онъ такъ доложить, что акціонерамъ черное бѣлымъ покажется, и они потомъ уже не знаютъ, какъ имъ выразить правленію свою благодарность. Главное: онъ никогда и съ дѣломъ-то вовсе не знакомъ, о которомъ говоритъ, и беретъ прямо апломбомъ. Вы завтра послушаете его, такъ, навѣрно, подумаете, что онъ всю жизнь только и дѣлалъ, что около доменныхъ печей возился, а онъ въ нихъ столько же понимаетъ, сколько я въ санскритскомъ языкѣ.

— На-ра-ра-ра-рамъ! — фальшиво и умышленно небрежно запѣлъ Бобровъ, отворачиваясь.

— Да вотъ... на что лучше... Знаете, какъ онъ принимаетъ въ Петербургѣ? Сидитъ голый въ ваннѣ по самое горло, только голова его рыжая надъ водою сіяетъ,— и слушаетъ. А какой-нибудь тайный совѣтникъ стоитъ, почтительно передъ нимъ согнувшись, и докладываетъ... Обжора онъ ужасный... и, дѣйствительно, умѣетъ поѣсть; во всѣхъ лучшихъ ресторанахъ извѣстны битки à la Квашнинъ. А ужъ насчетъ бабья и не говорите. Три года тому назадъ съ нимъ прекомичный случай вышелъ...

И, видя, что Бобровъ собирается уйти, Свѣжевскій схватилъ его за пуговицу и умоляюще зашепталъ:

— Позвольте... это такъ смѣшно... позвольте, я сейчасъ... въ двухъ словахъ. Видите ли, какъ дѣло было. Приѣзжаетъ осенью, года три тому назадъ, въ Петербургъ одинъ бѣдный молодой человѣкъ—чиновникъ, что ли, какой-то... я даже его фамилію знаю, только не могу теперь вспомнить. Хлопочетъ этотъ молодой человѣкъ о спорномъ наслѣдствѣ и каждое утро, возвращаясь изъ присутственныхъ мѣстъ, заходитъ въ Лѣтній садъ, по-

сидѣть четверть часа на скамеечкѣ... Ну-съ, хорошо. Сидитъ онъ три дня, четыре, пять и замѣчаетъ, что ежедневно съ нимъ гуляетъ по саду какой-то рыжій господинъ необычайной толщины... Они знакомятся. Рыжій, который оказывается Квашпинымъ, разузнаетъ отъ молодого человѣка всѣ его обстоятельства, принимаетъ въ немъ участіе, жалѣетъ... Однако фамиліи ему своей не говорить. Ну-съ, хорошо. Наконецъ, однажды рыжій предлагаетъ молодому человѣку: «А чтѣ, согласились ли бы вы жениться на одной особѣ, но съ уговоромъ—сейчасъ же послѣ свадьбы съ ней развѣхаться и больше не видаться?» А молодой человѣкъ какъ разъ въ это время чуть съ голоду не умиралъ. «Согласенъ, говоритъ, только смотря по тому, какое вознагражденіе, и деньги впередъ». Замѣтите, тоже молодой человѣкъ знаетъ, съ какого конца спаржу ѣдятъ. Ну-съ, хорошо... Сговорились они. Черезъ недѣлю рыжій одѣваетъ молодого человѣка во фракъ и, чуть свѣтъ, везетъ куда-то за городъ, въ церковь. Народу никого; невѣста уже дожидается, вся закутанная въ вуаль, однако видно, что хорошенькая и совсѣмъ молодая. Начинается вѣнчаніе. Только молодой человѣкъ замѣчаетъ, что его невѣста стоитъ какая-то печальная. Онъ ее и спрашиваетъ шопотомъ: «Вы, кажется, противъ своей охоты сюда пріѣхали?» А она говоритъ: «Да и вы, кажется, тоже?» Такъ они и объяснились между собой. Оказывается, что дѣвушку принудила выйти замужъ ея же мать. Прямото отдать дочь Квашнину маменькѣ все-таки мѣшала совѣсть... Ну-съ, хорошо... Стоять они, стоятъ... молодой человѣкъ-то и говоритъ: «А давайте-ка удеремъ такую штуку: оба мы съ вами молоды, впереди еще для насъ можетъ быть много хорошаго, давайте-ка оставимъ Квашнина на бобахъ». Дѣвица рѣшительная и съ быстрымъ соображеніемъ. «Хорошо, говоритъ, давайте». Окончилось вѣнчанье, выходятъ всѣ изъ церкви, Кваш-